

Словами не объяснишь - смотреть надо

«Идея власти... власть идеи». Это фильм о человеке, поставившем чудовищный социальный эксперимент, избравшем тайный террор средством борьбы за власть; он придумал и воплотил в жизнь идею концентрационных лагерей, затоптал церковь, перечеркнул всю философскую мысль в стране. Этот человек никогда не занимался работой в обычном понимании этого слова, а для оправдания приду-

мал новую должность: профессиональный революционер. Именно он положил начало накоплению таких знаменитых, но до сих пор не найденных денег партии. А с детства он входил в нашу жизнь как любящий дедушка и Почетный Член Общества Чистых Тарелок. Владимир Ильич Ленин.

Фильм - авторская работа историка и философа Дмитрия Волкогонова - в какой-то степени

уникален. Он основан на ранее не известных нам воспоминаниях и цитатах Плеханова, Троцкого, Крупской, Черчилля и многих других современников. В основу также легло и само ленинское наследие, на котором до последнего времени правления Генеральных Секретарей аккуратно возобновлялась надпись: «Не вскрывать!». Скоро эта картина выйдет на телевизионные экраны страны. Но увидят ли ее зрители?

О достаточно плачевном положении документального кино, его возможностях и надеждах говорит режиссер-постановщик фильма Виктор Петрович Лисакович, отдавший более 30 лет этому виду искусства. В его активе 90 работ, среди которых отмеченные наградами «Катюша», «Гимнастерка и фрак», «Рассказы о доме своем» и получившая приз за гуманизм на Каннском фестивале «Осень надежды».

Виктор Петрович, как известно, документальное кино у нас особой популярностью не пользовалось. Видимо, это связано с яркой идеологической направленностью. Сегодня эта направленность с повестки дня снята. Какое же место теперь занимает документальный кинематограф?

- Для нас, документалистов, это вопрос не сегодняшний, а, можно сказать, извечный. Есть люди, которые посвятили созданию документального кино всю свою жизнь, искренне любящие этот вид искусства, работающие в нем преданно и самозабвенно. Но их творчество часто не доходит до зрителя. И знаете, чем больше я работаю на этом поприще, тем меньше я понимаю, в чем причина такого положения. Иногда до отчаяния.

Начнем с того, что посмотреть документальное кино негде. В нашей системе не существует тиражирования. Естественно, не может быть и речи о массовом прокате. Фильмы создаются в одной или двух копиях. При этом если 20-30 лет назад в Москве было несколько специализированных кинотеатров, то сейчас ни одного. И тут нам особо жаловаться не приходится, так как наши коллеги из игрового кино также ощущают дефицит зрителя и, наверное, чувствуют это острее. Единственный выход на широкого зрителя - это телевидение. Но сегодня и там сложно.

Среди причин, конечно же, та, что от документальных фильмов отворачивались как от некоего идеологизированного и нравоучительного предмета. Но самое огорчительное, что творцы не сели и не поговорили о своих проблемах. К сожалению, мы перестали встречаться. Единственно, где можно увидеть что-то новое, это фестивали. Недавно они проходили в Екатеринбурге и в Петербурге. Но этого недостаточно.

Если говорить о телевидении, невозможно обойти записные рекламы, безусловно, вынужденное. А сколько дорогого экранного времени уходит на пустые мыльные оперы! Казалось бы, ничего нет в основе того признания, той популярности, которую они вызвали среди зрителей, одна элементарная глупость. А умное, хорошее, талантливое документальное кино остается на обочине внимания. Не стану спорить о вкусах, но все же какую-то пропорцию при подборе программ следовало бы соблюдать.

А лично у вас как складываются отношения с телеэкраном на данный период?

- Вы знаете, я сам не так давно был участником достаточно позорного показа. В течение двух лет небольшой группой, куда входили историк и драматург Виктор Листьев, я, оператор Виктор Крылов и художник Володя Овечкин работали над программой телефильмов под общим названием «После Столыпина» - четыре части. Мы в эту картину вложили все свое умение, весь опыт. Сплетая в единое целое документы и кинокадры, старались до мельчайших подробностей передать эпоху начала века. Фильм рассказывает о периоде с 1911 года, с

момента убийства Столыпина, до первых дней войны 1914 года. Можно считать, что это был эксперимент: экранизация документов и воспоминаний, попытка создать живой диалог между людьми, давно ушедшими, строго ссылаясь на первоисточники. Озвучивание было поручено разным актерам: Э.Виторгану, С. Десницкому, Б.Романову, Л. Зверинцеву, А.Юшину, В. Каревой, В.Степанову, которые и создали такой мемуарный театр. В картину вошли речи самого П.Столыпина, произнесенные в Государственной Думе, воспоминания министра финансов В.Коковцова, министра иностранных дел С.Сазонова, С.Витте, других крупных политических деятелей; использовались дневники Николая II. Большинство этих документов в нашей стране не опубликовано. Для работы с ними я выезжал в Германию - в основном именно там издавалась постереволюционная мемуарная литература, до России мало что доходило. В фильме нашла отражение вся государственная кухня начала века. Не давая художественной оценки, хочу сказать, что из просмотра много можно почерпнуть для суждений о дне сегодняшнем: разобраться в политических акциях, экономических шагах, которые имели место почти столетие назад и имеют прямое отношение к настоящему времени.

Показ состоялся в июле, в воскресенье, в час дня. Это было хорошее время для отдыха, когда оставшиеся в городе люди старались уехать на дачу или пляж. Самое глухое время для любого премьерного показа. Видите, что получилось? С одной стороны, фильм показан, с другой же - чистая формальность. Тем не менее какой-то зритель был. Были звонки на студию. Но в прессе он освещения не получил. Уверен, покажи этот фильм в хорошее время, он стал бы предметом серьезного разговора. Я далек от того, чтобы каждого усадить за свой фильм, но, думаю, любой режиссер глубоко в душе желает этого.

В какой степени выход картины на экран зависит от ее создателей?

- Увы, от нас ничего не зависит. Мы заканчиваем работу, ее кладут на полку, и дальше ею распоряжается программная редакция. Есть только робкие попытки сдвинуть с мертвой точки этот вид искусства. Мне хотелось бы обратиться к тем людям, которые планируют эфир: отведите документальному кино достойное место и время.

Многое зависит и от самого зрителя. Получается такой замкнутый круг: фильм ставят в такое время, когда зритель его не видит, потом социологическая группа проводит опрос и составляет рейтинг популярности, где документальные ленты занимают нулевое место. Поэтому нам мечтать о достойном времени в эфире не приходится. Этот замкнутый круг можно разорвать с помощью зрителя и разумной политики показа на телевидении. К сожалению, многое зависит и от умения растолковать локтями других. Отсюда такая бессистемность и даже случайность.

На телевидении по подбору материала сейчас лидирует НТВ. Не последнее место у них в программе занимает документальное кино, правда, пока иностранного производства. Надо ли думать, что у вас с этой или другой независимой компанией отношения не складываются?

- Наверное, они придут к тому, чтобы показывать и наши, отечественные фильмы. На НТВ пошли по пути созда-

ния интереса у зрителей, поэтому они отбирают картины с острыми темами, с яркими и броскими сюжетами. Есть здесь, видимо, и экономические причины. Порой бывает дешевле купить ранее сделанный товар, чем вложить деньги в проект.

Одно время мы наивно полагали, что документальное и научно-популярное кино может само себя прокормить. Увы, это совсем не так. И сейчас нам надо пройти путь от полной свободы, в том числе от денежной, которую испытало документальное кино с начала перестройки, к осознанному государственному финансированию. Какие-то сдвиги намечались. Но когда бежишь на длинную дистанцию, должен быть уверен в том, что в определенное время тебе поднесут стакан воды, а если такой уверенности нет, начинаешь теряться.

Самое же плачевное положение, как мне кажется, именно в телевизионном документальном кино. То финансирование, которое годами складывалось на творческом объединении «Экран», претерпело массу изменений и не в лучшую сторону - ни для «Экрана», ни для зрителей. Сегодня объединение на грани полного развала именно из-за нехватки денежных средств.

Виктор Петрович, вы говорите о государственном финансировании. А как насчет поддержки коммерческими структурами?

- Коммерческие структуры помогают, но как бы нехотя и очень редко. Если зритель не видит картин, у него возникает прохладное отношение к документальному кино в целом, а это значит, что такое же отношение и у тех, кто мог бы поддержать нас. У художников в связи с этим возникает чувство ненужности.

Вот, например, информационные программы вызывают живой интерес у зрителя. А ведь некоторые темы требуют глубокого осмысления, иногда нужно вникнуть в те или иные поступки, во внутренний мир человека. Это сложно. Намного сложнее, чем в игровом кинематографе. Я всегда осторожно произношу эти слова, потому что не хочу обидеть коллег, занимающихся художественным кино. Но о том, что труднее и важнее, можно еще поспорить. Как бы там ни было, документальные картины имеют свои преимущества: непридуманность, мемуарная основа. Верю, придет признание и понимание. А сейчас... По большому счету, похвалиться нечем. Мы подошли к тому, чтобы сделать третью картину, продолжение «Реформы на крови» и «После Столыпина», рассказывающую о первой мировой войне, в том же ключе и в том же стиле. Материал собран, дело осталось за деньгами.

Сейчас создаются маленькие студии, которые объединены по интересам. Их поддерживает Комитет по кинематографии (там находится под-

держку все интересное и талантливое), возможно, помогают коммерческие структуры, но точно об этом я сказать не берусь.

Если говорить конкретно о фильме «Идея власти... власть идеи», чья материальная поддержка легла в основу его создания?

- Финансировало его государство - Российский комитет по кинематографии. Фильм в целом не дорогой.

Насколько я знаю, это первая ваша с Дмитрием Волкогоновым совместная работа. Легко ли далось сотрудничество?

- Наши отношения изначально строились на понимании и уважении. Дмитрий Антонович был знаком с некоторыми моими работами. В частности, по телевидению он увидел картину «Реформа на крови», что послужило поводом к тому, чтобы разыскать меня. Дмитрий Антонович очень интересный человек и собеседник. Хотя я и не на все 100 процентов согласен с его выводами, мне было интересно с ним работать. Я благодарен Волкогонову за доверие, которое он мне оказал, ведь картину практически я делал так, как сам ее понимал.

Фильм состоит из шести картин. Все они создавались параллельно написанию книги Дмитрия Волкогонова «Ленин. Политический портрет» и в какой-то степени являются отражением процесса ее создания. Это фильм-монолог. Анализируя известные и неизвестные факты, историк и философ пишет книгу о бывшем вожде и размышляет над его политическим образом. Я думаю, что картина получит различные оценки зрителей и вызовет немалую дискуссию.

Документы взяты из Центрального партийного архива, где до последнего времени они бережно хранились. Нельзя сказать, что это очень ценные бумаги, иногда это просто записки, которые Ленин любил писать на заседаниях Совнаркома, содержащие мелкие замечания и даже грубые выражения. Каждым последующим за Лениным руководителем партии, вплоть до Горбачева, эти бумаги пересматривались, и надпись «Совершенно секретно» возобновлялась. Хотя в данных документах нет ничего особо секретного, эти бумаги заставляют нас смотреть на вождя другими глазами. Как в самом фильме говорит Дмитрий Антонович, перед нами предстает человек малосимпатичный.

Если это авторская программа, какова была ваша задача как режиссера?

- Воссоздать кинематографический эквивалент на экране, представить цитируемые документы, подобрать хроникальные кинокадры, подтверждающие текст. Все шесть частей фильма выдержаны под одним углом зрения, выраженном в самом названии: как

идея власти переходит постепенно во власть идеи и как эта власть уже главенствует над человеком, а он становится лишь ее придатком. Словами это не объяснишь - надо смотреть.

А ваше личное отношение к герою киноленты? Было ли в увиденных документах что-то, что вас больше всего потрясло?

- Могу привести пример. Волкогонов сидит в кафе «Ландольт», там же, где предположительно сидел Ульянов (эти кадры вошли в картину), и читает одну инструкцию, написанную в 1905 году где-то за этими же столиками. Этот документ достаточно известен специалистам, но до широкой аудитории не доходил. Ленин пишет о том, как надо вести себя пролетариату на улицах во время революционных событий. Для интеллигентного человека это просто чудовищно: предписывалось поливать жандармов серной кислотой, заранее заготавливать кипяток, чтобы обливать им казаков, вбивать колья в мостовую, чтобы калечить лошадей, кидать зажженные факелы. Задавает то, что человек пишет такие страшные, бесчеловечные вещи, сам находясь в полной безопасности в мирной Женеве. Как бы ни была жестока борьба, но серная кислота...

А вообще, я старался спокойно отнестись к этой фигуре. Тем более я уже делал картину о Ленине. Это «Ленин. Страницы жизни», состоящая из 27 серий, на которые ушло 6 лет, с 1982 по 1988 год. Я пытался не поддаваться эмоциям, а все подвергнуть серьезному анализу.

Но я не берусь давать какие-то конкретные оценки. Думаю, каждый определит Ленина по-своему.

Насколько я знаю, вы одно время работали над фильмами, связанными с Леонидом Ильичом Брежневым, снимали его.

- Это не совсем так. В 1973 году я был в составе телевизионной журналистской группы, которая сопровождала Генсека в поездках по США, Кубе, Индии, ФРГ. Это была работа на расстоянии, и личных впечатлений у меня нет. Мы старались не столько осветить визит (эти протокольные съемки шли сами по себе), сколько насытить картину окружающей жизнью, рассказать о людях, с которыми встречались. За это получали замечания; эта несообразность раздражала руководство. Им вполне было достаточно фиксирования на пленке подписания договоров - довольно скучное занятие. Особенно это касается Индии. За год до того я делал фильм о касте неприкасаемых, включающий в себя шесть новелл. Приехав в эту страну еще раз, естественно, захотелось встретиться с нашими героями, провести их и через новую ленту. Это значительно сказалось на официальной части - ее пришлось потеснить. И вот, с одной стороны, наши цензоры выражали недовольство, с другой - не настаивали на устранении наших вольностей, прекрасно понимая, что с такими сюжетами фильм хоть смотреть можно.

Нарушенное равновесие в культуре прежде всего отражает нестабильность развития нашего несчастного общества. Содержательное кино незаметно ушло из нашей жизни, а любимый телеэкран затянула сладенькая паутинка развлекательного. Документальное кино дожидается времен, когда его будут любить и с нетерпением ожидать очередного показа миллионы телезрителей. А пока, увы... Обидно. Не за документалистов - за нас.

Т.ХРУСТАЛЕВА.